

«Советский артист», 1960, 24 янв.

ИЗ МЕКСИКАНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Недавно в группе туристов мне довелось совершить интересное путешествие по Мексике.

Когда мы приехали в Мексику, население этой страны горячо принимало первого заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. А. И. Микояна. Позже в одном из кинотеатров мы смотрели хронику о пребывании А. И. Микояна в Мексике, и каждое его появление на экране зрители встречали горячими аплодисментами.

Наша небольшая группа туристов тоже успела почувствовать радушие и гостеприимство мексиканцев.

Конечно, две недели — очень маленький срок, чтобы все увидеть, все узнать о стране. И все же кое-что нам удалось.

Наибольшее количество дней мы прожили в Мехико.

Мехико — столица Мексики расположена на высоте 2.250 метров над уровнем моря, население — около трех миллионов жителей. Это — красивый, зеленый город с улицей Инсургентес длиной в 22 километра, пересекающей всю столицу с севера на юг, с бульваром в 3 километра Пасео де ля Реформ.

Город разнообразный, пестрый, типично капиталистический: с резкими социальными контрастами — от богатых вилл, окруженных садами, до ветхих домишек с земляным полом. Привлекает этот город тем, что у него есть свое, истинно национальное лицо.

В центре столицы много небоскребов, много строящихся зданий в стиле модерна. Но так как мексиканцы очень чтят и любят свою живопись, то знаменитые современные художники — Альфаро Сикейрос, Клименте Ороско, Диего Ривера украшают подчас эти здания как внутри, так и снаружи стеной живописью, огромными фресками, отображающими историю, жизнь и борьбу мексиканского народа. Это придает городу национальный колорит.

Я хочу рассказать сегодня о двух, пожалуй, самых ярких зрелищах, на которых мне довелось присутствовать в Мексике. Первое из них — коррида!

У нас в Москве сейчас зима, а там — яркий солнечный день, 19 градусов тепла.

Коррида происходила на большом круглом стадионе, расположенном на окраине города, под открытым небом. На билетах написано «Тень» или «Солнце», причем теневые места значительно дороже.

При предъявлении билетов нам были выданы небольшие подушечки для сидения (после окончания корриды эти подушечки оставляются на местах). Как только мы разместились, я увидела то, что меня поразило. Представьте себе очень большую арену с гладким песком, тщательно пригнотенную для боя с быком, а посреди — огромную бутылку, рекламирующую кока-колу, и вы поймете мое удивление.

В программе участвовало шесть быков. Людская суета, яркие краски, обилие солнца сразу заставили меня вспомнить четвертый акт из оперы «Кармен».

Итак, служители унесли рекламную бутылку, прозвучал трубный сигнал к началу, и из центральных ворот на черном коне выехал всадник, одетый в старинный испанский черный костюм. Он подвез к центральной ложе, где сидел председатель корриды — мужчина, похожий на известного итальянского актера Де Сика; величественным жестом он дал разрешение к началу боя.

После этого начался парад, где, приветствуемые зрителями, по кругу прошли все участники корриды. В

Е. ИЛЮЩЕНКО

этот день предстояло убить шесть быков. После парада на арену вышли участники первой корриды.

В бое быков существуют твердые и совершенно определенные правила. До того, как бык будет убит, матадор должен проделать определенное количество движений, каждое из которых имеет особый смысл. Но считается, что в корриде быки более важны, чем тореадоры. Вот почему быка называют «Его величество бык» и появление его приветствуют звуками труб.

Итак, на середину арены вышел стройный мальчик-матадор с печальными черными глазами и с черной шапочкой в руках, который перед выходом незаметно перекрестился этой шапочкой. Заняв позицию перед быком, он проделал ряд упражнений своим плащом, демонстрируя различные движения, их красоту и удачу. Цель всего, что делает матадор, — разогреть быка, узнать его повадки.

Потом на арене появились матадоры — мужчины средних лет с розовыми плащами в руках. Их задача состояла в том, чтобы прерывать игру тореадора с быком, давать ему возможность отдохнуть, наблюдая его повадки.

Вслед за матадорами на арену выехали пикадоры — престарелые усталые мужчины. Затем бык кинулся на лошадь, стараясь поддеть ее рогами, а всадник острой пикой стал колотить быка. Льется кровь, бык мечется по арене. Матадоры втыкают в быка бандериллы, еще более разъяря его. И когда животное уже совершенно измучено и истекает кровью, тореадор подходит к центральной ложе и просит разрешения убить быка. Служители подают ему шпагу, он меняет красивый чистенький плащ на старый и грязный. Убить быка матадор должен с первого раза, но удается это не всем.

И когда первый матадор убил быка не с одного раза, а с двух, свист стоял на стадионе страшный.

Сцена закалывания и постепенно-го умирания быка — зрелище страшное.

Матадор выходит таким элегантным, таким самоуверенным, но как только бык поддевает его рогами, от самоуверенности не остается ничего, и зритель видит только жалкого, испуганного человека.

Мы, советские люди, не способны воспринимать подобные вещи, такое падение человеческого достоинства! Нам чужда эта игра со смертью и непонятна жажда людей с восторгом наблюдать подобные представления.

Перечитывая по возвращении в Москву мексиканские впечатления В. Маяковского, я нашла у поэта описание боя быков, абсолютно идентичное моему собственному ощущению:

«Я испытал высшую радость: бык сумел воткнуть рог между человеческими ребрами, мстя за товарищей быков», — писал В. Маяковский.

«Человека вынесли».

Никто на него не обратил внимания.

Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце.

Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано.

Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя его выдрессировать стрелять.

Почему нужно жалеть такое человечество?».

Познакомиться подробно с театральным искусством Мексики нам, к сожалению, не удалось. Когда мы были в Мехико, в здании единственного стационарного театра с опромненным успехом проходили авторские концерты Д. Шостаковича. Кроме того время нашего пребывания в Мексике совпало с пассивным сезоном.

Однажды вечером мы поехали по маленьким, узеньким улочкам, где не могли бы разъехаться две автомашины. Нас привезли к небольшому зданию. На нем красовалась надпись «Театр Ирис» — это так называемый народный мюзик-холл. Зал был довольно полным.

Программа началась с танцевального номера. Безвкусно одетые девушки очень плохо пытались изобразить классический вальс.

Следующий номер назывался «Ожившая маха» по картине великого испанского художника Ф. Гойи. Это было и беспомощно, и дешево, и неэстетично, и просто стыдно смотреть.

Потом плохо пели два молодых человека.

Объявление следующего номера зрители встретили аплодисментами. На эстраде появился очень красивый 20-летний юноша-испанец Педрито Рико. Это — звезда народного мюзик-холла. За вечер он делает шесть номеров. Артист только недавно приехал из Испании, а уже успел завоевать в Мехико довольно большую популярность. Это — актер огромного дарования.

Первый номер Педрито Рико носит смешанный, песенно-танцевальный характер. Поет и танцует артист великолепно.

Во время второго номера он выходит на рампу и исполняет несколько песенок, причем припевы вместе с ним поет зрительный зал. И в том, как подпевали зрители, чувствовалось, что песни эти, как и их исполнитель, им уже успели полюбить.

Действие третьего номера разворачивается в кафе. Это небольшая сценка, которая начинается с испанского танца, исполняемого Педрито Рико вместе с танцовщицей Литицей Роу. По хореографии это очень напоминает танцы, которые многие наши артисты видели в Лондоне, в испанской труппе Антонио.

В этой маленькой сценке, смысл которой сводится примерно к следующему — забудь меня, я тебя больше не люблю, Рико показал себя очень интересным и психологически тонким артистом.

Наибольшее впечатление произвел на меня номер под названием «Молитва тореадора».

Открывается занавес. На сцене, спиной к публике, на коленях стоит Педрито Рико. Он великолепно демонстрирует то, что К. С. Станиславский называл «публичным одиночеством», причем даже не имея ни малейшего понятия о существовании этого великого режиссера. Видна только спина артиста, но, глядя на нее, вы чувствуете, как мелькают мысли о прожитой жизни, надежда на победу в предстоящем бою. Звучит музыка — и бой быков начался. В глазах актера вы видите отражение движений быка, видите красоту и ловкость, горделивость и уверенность движений тореадора, продельвающего ряд «вероник».

Из того, что было во втором отделении, интересным нам показался лишь артист Клавильязо. Это молодой драматический актер, очень талантливый комик. Под гомерический хохот зрительного зала идет его номер «Вор и судья». Смысл номера сводится к тому, что взяточники и воры — все, и судьи тоже. Зрители принимали номер очень горячо.

Так мы провели один из вечеров в Мексике.

Можно было бы рассказать еще об интересных народных обрядах, об университетском городе и его своеобразной архитектуре, об экскурсиях на пирамиды и о многом другом. Но я хочу закончить на этом. Это не дневник туриста, а лишь кое-какие выборки из впечатлений об интересной стране, в которой живет и трудится очень талантливый народ.